

ОТЗЫВ

о диссертации ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА АРКАДЬЕВА

«Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Представленная (в виде монографии (М.: Языки славянской культуры, 2015)) к защите диссертация Петра Михайловича Аркадьева, несомненно, является событием в теории и типологии аспектуальности. Будучи первым объемным полномасштабным ареально-типологическим и квантитативным исследованием префиксальной перфективации глаголов, работа выполнена на основании анализа единообразной системы типологически релевантных признаков на материале языков Восточной Европы и Северного Кавказа (балтийских, славянских, картвельских, венгерского, идиша, осетинского и др.). Как известно, в этих языках глагольная перфективация представлена наиболее широко, но детально исследована лишь в славянских: в них она составляет ядро категории вида, долгое время считавшегося «эталонном» организации аспектуальности, на фоне которого рассматривалась аспектуальность в других языках.

Префиксальная перфективация, наблюдаемая в языках названного ареала и за его пределами, значима, в частности, потому, что аспектуальные системы неславянских языков не повторяют устройства славянского вида. Существен тот факт, что интерес диссертанта к типологии префиксальной перфективации и идея написания данной работы выросли из его изучения аспектуальности в литовском языке, в котором префиксальная деривация как средство перфективации очень сходна со славянской (прежде всего с русской) и является столь же значимой и продуктивной, однако общее устройство литовской аспектуальной системы резко отличается от аналогичной системы в русском. Хочу подчеркнуть, что П.М. Аркадьев является автором значительного числа замечательных работ, ставших, на мой взгляд, наиболее весомым вкладом в литовскую аспектологию за всю историю литуанистики. При этом он отрицает традиционную (и разделяемую ведущими литуанистами) точку зрения, согласно которой в литовском глаголе признается наличие категории вида, которая частично – а именно в области префиксальной перфективации – совпадает с видом в славянских языках. Главным аргументом диссертанта является слабая степень грамматикализованности префиксальной перфективации и литовского «вида».

В исследовании избранного объекта соискатель наметил ряд основополагающих целей. Они заключаются в обобщении накопленных данных о формальных и функционально-семантических характеристиках аспектуально значимых префиксов (превербов), превербных глаголов и аспектуальных систем языков описываемого ареала, а также в их содержательной классификации и выявлении соотношения генетического, ареального и типологического в их диахроническом становлении. В свете имеющихся сведений по проблематике перфективации и ее роли в организации аспектуальных систем различных языков сама постановка целей и задач делает рецензируемую работу в высшей степени **актуальной** и своевременной.

Впечатляют не только размах и глубина замысла диссертанта, но и огромный объем проделанной работы для его успешного воплощения. Обработаны сведения об аспектуальности и перфективирующей префиксации в большом числе языков, диалектов и миноритарных идиомов из всех возможных источников (часто малодоступных), а также информация, полученная лично соискателем от носителей литовского и адыгейского языков. Сказанное определяет высокую степень **достоверности** результатов и вместе с тем придает ценность введению в научный оборот эмпирического материала малоизученных языков. Отмечу профессиональный уровень владения теорией типологии и методологией лингвистического анализа (включающей квантитативные методы), умение

критически осмысливать не совпадающую (по разным источникам) интерпретацию фактов, весьма репрезентативное обобщение эмпирического материала и его квалифицированное картографирование, также свидетельствующие о высокой **обоснованности** выводов соискателя.

Результаты ареально-типологического сопоставления префиксальных перфективов и – более того – целых грамматических систем в конкретных языках на синхронном уровне по множеству морфосинтаксических и семантико-грамматических параметров, определение степени близости и расхождения языков позволяют диссертанту представить многомерную картину изучаемого объекта, определяют **научную новизну** его работы и делают ее весомым вкладом в теорию аспектологии и типологию аспектуальных систем.

Впервые префиксальные перфективы становятся объектом столь широких межъязыковых сопоставлений, выполненных с учетом языковых контактов. П.М. Аркадьев блестяще справляется с решением многочисленных задач, подводя тем самым итоги исследованиям, обобщая обширные данные, выявляя типологически значимые параметры, предлагая решение отдельных ареально-типологических проблем на материале восточноевропейских языков и формулируя ряд убедительных выводов, имеющих безусловную **теоретическую значимость**. Рецензируемая работа завершает один долгий этап в изучении аспектуальной категории префиксальной перфективации и открывает новые перспективы, создав теоретическую базу для последующего исследования аспектуальных категорий и систем различных типов в плане способов выражения аспектуальной семантики не только в конкретных языках, но и в ареально-типологическом и диахроническом плане.

Структура работы, отражающая внутреннюю логику поэтапного рассмотрения проблем и решения задач, представляется мне безупречной. Текст монографии состоит из Предисловия, Введения, семи глав и Заключения; прилагаются списки сокращений и источников материала, библиография и указатель языков. Во Введении кратко излагаются цели и задачи, вытекающие из положения дел в теоретической аспектологии и типологии аспектуальности, сформулированные в свете особого интереса к превербам и их роли в аспектуальных системах конкретных языков.

В **Главе 1**, посвященной теоретическим и методологическим предпосылкам исследования, помимо определения превербов, решается задача теоретически и эмпирически обоснованного выявления типологически значимых формальных и функционально-семантических параметров, необходимых для анализа превербов (и основанных на них аспектуальных систем) и позволяющих установить возможные корреляции между этими параметрами в связи со степенью грамматикализованности аспектуальных категорий. Диссертант эксплицирует понятия (не)предельности и (не)терминативности, показывает соотношение акциональных признаков в аспектуальной семантике глаголов, а также конкретизирует употребление терминов «телисизация» и «детелисизация» и «перфективация» и «имперфективация». Весьма содержательно обсуждение терминов «грамматическое» и «грамматикализация» в широком и узком смысле, существенное для анализа префиксальной перфективации и определения степени грамматикализованности аспектуальных (акциональных) категорий в различных языках.

В **Главе 2** впервые осуществляется системное исследование комплекса морфосинтаксических признаков префиксации в контексте всех типов аффигуемых морфем на материале большого географического ареала. Обобщаются все доступные сведения об особенностях превербов в плане классификационных признаков. Убедительно демонстрируется, насколько могут совпадать или различаться по их набору не только неродственные и ареально далекие, но и близкородственные языки, в то время как практически каждый признак может принимать весь спектр логически возможных величин, делая характеристику системы свойств превербов сложной задачей. Диссертант выявляет закономерности в реализации морфосинтаксических свойств превербов в

языковых семьях и территориально близких языках и приходит к выводу, что генетический фактор в большей степени определяет сходство морфологических свойств превербов, нежели ареальный. Географическое распределение каждого релевантного классификационного признака и степень его распространенности в превербах языков ареала, представленные в лингвистических картах, в комплексе дают многомерную картину вариантов префиксации, и в этом отношении чрезвычайно интересен диапазон их вариативности. Автор не упускает случая привести диахронические данные, что придает дополнительное измерение описанию системы превербации, а также отмечает сложность устройства префиксальных систем в адыгейском и картвельских языках.

В **Главе 3** проводится исчерпывающее исследование функционально-семантических аспектуально-ориентированных признаков превербов. Центральным является вопрос о собственно аспектуальных функциях превербов, который касается не только превербов, но и их роли в превербных глаголах и глагольных системах языков – при всей значимости вопросов об «исходных» значениях (собственно пространственной и дейктической глагольной ориентации) и субкатегоризации превербов на «внешние» и «внутренние». Характеристика аспектуальных функций превербов тесно связана с другими их особенностями, что определяет их членение на функционально-семантические группы, ограничения на сочетаемость с простыми (исходными) глаголами и взаимодействие с семантикой последних. Особое внимание уделено способам глагольного действия, где перфективация дополняется частным аспектуальным значением (начинательность, интенсивность, финитивность, результативность и т.д.), особенно ярко представленным в славянских и балтийских языках и достаточно четко в осетинском (в отличие от других кавказских языков), а также образованию чистовидовых пар при утрате превербом лексического пространственного значения и частных аспектуальных значений вплоть до превращения в показатель собственно видовых коррелятов исходных глаголов в восточной части славянского ареала. Заслужили внимания (здесь и в других главах монографии) превербы с делимитативной функцией, выражающие временную ограниченность непредельных ситуаций и образующие класс терминативно-непредельных глаголов, более близкий к «чисто» перфективным дериватам.

В **Главе 4**, посвященной характеристикам превербных глаголов, рассматриваются их специфические морфологические и синтаксические особенности и ограничения на образование, которые носят более общий характер, чем особенности самих превербов. Данные характеристики обусловлены, по мнению диссертанта, формальным признаком «присутствие в глаголе префикса» или принадлежностью глагола к «более широкой функциональной категории совершенного/перфективного вида» (с. 90). С моей точки зрения, из морфосинтаксических признаков превербных глаголов особый интерес представляет их способность сочетаться с продуктивными и непродуктивными показателями имперфективации – итеративными и/или дуративными. Это лучше всего описано в славянских языках и достаточно хорошо в литовском, где единственным **деривационным** показателем вторичной имперфективации глагольных лексем диссертант справедливо считает итеративный суффикс *-inė-*, который, по его мнению, не может считаться аналогом продуктивной вторичной имперфективации типа представленной в русском глаголе, с чем нельзя не согласиться. Существенно утверждение автора, что способность превербных глаголов в той или иной грамматической форме иметь процессное или актуально-длительное значение является параметром межъязыкового варьирования и в разных языках обусловлена разными факторами: сочетаемостью с глаголами движения в языках кавказского ареала и, главным образом, модификацией лексического значения дериватов в балтийских (с. 96). Представляется значимым рассмотрение грамматических категорий и значений, характерных для превербных глаголов и проиллюстрированных примерами из осетинского, славянских (зачастую различающихся в этом плане), идиша, венгерского и грузинского языков.

В **Главе 5**, являющейся центральной в исследовании префиксальных перфективов, анализируется организация глагольных систем с превербами в отношении аспектуальной оппозиции исходных «простых» и превербных глаголов и степени грамматикализованности аспектуальных категорий, выражаемых превербами. Для изучения данной аспектуальной оппозиции диссертант выделяет «ядерные» и «периферийные» контексты. Максимально мотивированное семантически, употребление простых и префиксальных глаголов в ядерных контекстах выявляет наибольшие сходства между языками, тогда как в периферийных контекстах, в которых возможен конфликт с аспектуальностью лексемы, проявляются основные различия. Это убедительно иллюстрируется сопоставлением славянских языков с другими языками ареала. При рассмотрении дистрибуции простых имперфективных и перфективных превербных глаголов показано сходство данной оппозиции в осетинском с литовским и западными славянскими языками. Справедливо предположение, согласно которому контурация и модификация лексической семантики простых имперфективных глаголов посредством превербов обуславливают тип их аспектуальной оппозиции.

Полагаю, что раздел о характере средств вторичной имперфективации префиксальных и непрефиксальных перфективов (5.2) по объему материала, теоретической содержательности и значимости сопоставлений и обобщений имеет самостоятельную ценность для теории аспектуальности в целом. В языках со вторичной имперфективацией последняя позволяет сохранить перфективность производящей основы и одновременно использовать дериват в неперфективных контекстах. Существенным является различие внесобытийной и внутрисобытийной имперфективации, что зависит от акционального типа предиката. Из анализа многочисленных примеров можно сделать заключение, что внесобытийная имперфективация имеет место прежде всего у перфективов, входящих в «чистовидовые» пары, т.е. «парных» дериватов. Детально рассмотрены морфологические деривационные средства вторичной имперфективации в языках ареала – суффиксальные в славянских (в частности, в русском) и литовском, где автор учитывает, однако, лишь одно имперфективирующее средство – суффикс *-inē-* при всем внимании к иным средствам в других языках: префиксальному в осетинском и мегрельском, постпозиции преверба в венгерском, аналитическому в латышском и верхнелужицком (табл. 7).

В **Главе 6** впервые произведен количественный анализ типологических признаков перфективов в языках ареала, который замечательным образом дополняет содержательное исследование объекта в предыдущих главах, придавая ему статус «верифицированности». Диссертанту удалось построить ареально-типологическую картину префиксального перфектива и выявить кластеризацию значений избранных параметров. Этот анализ на основе современных математических методов создает впечатляющую картину изучаемого объекта и представляет собой самостоятельную ценность, являясь демонстрацией квантитативных методов исследования языковых явлений. В лингвистических картах, таблицах и NeighborNet-диаграммах детально показана степень сходства и различия между исследуемыми языками. На основе сравнения всех данных П.М. Аркадьев приходит к заключению о существовании двух прототипов префиксальной перфективации – «славянского» и «кавказского», различающихся значением типологических признаков при невысокой степени гомогенности перфективных систем внутри каждого прототипа.

В **Главе 7**, посвященной диахронии систем префиксальных перфективов, контактными явлениям в изучаемом ареале и типологическим параллелям в языках других ареалов, соискатель достигает целей создания целостной и непротиворечивой картины возникновения восточноевропейского ареала распространения префиксальных перфективов и роли генетических, типологических и контактных факторов в данном процессе. Детальный анализ диахронических процессов в области акциональных и собственно аспектуальных превербов в индоевропейских, картвельских и уральских языках показывает, что превербы и их аналоги существовали уже во времена самых

ранних письменных памятников, однако их использование в акциональной функции телисизации и в особенности грамматикализация являются сравнительно поздней инновацией в языках, их сохранивших. В результате кропотливого изучения контактных явлений диссертант делает ряд интересных выводов о закономерностях заимствования морфологических элементов и облегчающих заимствование факторов. Анализ потенциальных типологических параллелей как в географически близких языках, так и в языках других континентов придает дополнительный вес исследованию префиксальных перфективов. На этих основаниях П.М. Аркадьев делает убедительный вывод о том, что путь развития префиксальных перфективов, представленный в восточноевропейских языках, является типологически естественным. Полностью подтверждается предположение (которое, замечу, вполне могло бы быть предпослано исследованию в качестве требуемой в докторской диссертации гипотезы) диссертанта о существовании в изучаемом ареале двух зон кластеризации систем с префиксальной перфективацией – центральноевропейской со славянскими языками в центре и кавказской, представленной осетинским и картвельскими языками.

В обобщениях находим аргументированную критику предшествующих гипотез относительно «заимствования перфективирующей префиксации кавказскими языками из славянских» на основе комплексного сопоставления языков и выявленных автором закономерностей и особенностей контактного влияния, где диссертант доказывает параллельное развитие аспектуальных функций превербов в двух зонах ареала. Отмечу, что в целом П.М. Аркадьев очень осторожен при рассмотрении материала и гипотез из вторичных источников, касающихся спорных вопросов, и неизменно дает им взвешенную оценку. Примечательно обобщение, что становление систем превербов и грамматикализация их аспектуальных употреблений в конкретных языках происходили в большей степени независимо, нежели под влиянием контактов. Мощным заключительным аккордом звучит Таблица 21 (с. 283-285), суммирующая соотношение генетического, ареального и типологического факторов в реализации основных характеристик систем префиксального перфектива в языках не только изучаемого ареала, но и в примыкающих языковых семьях, а также в отдельных языках.

В Заключении четко изложены основные выводы и результаты выполненного исследования.

Завершая констатирующую часть отзыва, подчеркну, что, вне всякого сомнения, монография П.М. Аркадьева представляет собой незаурядное и высококвалифицированное исследование в области типологии аспектуальности. Между тем при всем восхищении рецензируемой работой должна высказать отдельные замечания, вопросы и критические соображения. Начну их с блока, относящегося к литуанистической части диссертации.

1. Так, на с. 27 утверждается, что по сути терминативные и нетерминативные значения в литовском языке, являясь грамматическими в широком смысле, «по мнению **многих** исследователей (выделено мной – Э.Г.), не соответствуют в литовском языке никакой грамматической категории (например, «виду»)». Поскольку имена Б. Вимера и самого автора едва ли могут быть определены данным квантификатором, было бы уместно упомянуть и других исследователей, придерживающихся высказываемой точки зрения. Далее (с. 96) со ссылкой на «ряд авторов» отмечается, что в балтийских языках «по-видимому, вообще невозможно» выделить какие-либо грамматические признаки, формально противопоставляющие превербные глаголы неперфективным. С этим невозможно спорить в рамках авторской концепции, однако возникают некоторые сомнения.

В центре внимания диссертанта находятся деривационные (словообразовательные) средства выражения аспектуальности, при этом теоретически возможные словоизменительные средства специально не анализируются. Видимо, поэтому неоднократная констатация фактов выражения процессного или актуально-длительного

значения презенсом префиксальных перфективов в столь различных генетически и ареально языках, как балтийские (с. 23 и далее) и обиходный верхнелужицкий, а также (имперфективного) хабитуального значения в балтийских, идише, осетинском, болгарском и др. языках (с. 157 и др.) – не получает ожидаемого типологического объяснения. В целом создается впечатление, что Петру Михайловичу не удалось полностью избежать «славяноцентрического» отношения к объекту своего исследования, что, впрочем, ожидаемо и неизбежно из-за прототипичности выражения славянского вида.

На 94 с. речь идет об особом поведении превербных глаголов движения в осетинском, заключающемся в том, в формах настоящего времени они допускают актуально-длительное значение (как и в литовском). Диссертант не согласен с мнением, согласно которому это связано с тем, что в них превербы реализуют исходные пространственные значения. Основное возражение сводится к тому, что «указанный эффект не наблюдается с глаголами других семантических классов, с которыми превербы также выступают в своем пространственном значении». Судя по примеру из иронского осетинского ((5), с. 95) и по литовскому материалу, следовало бы уточнить, что актуально-длительное значение могут выражать и те глаголы из разных семантических классов, лексическое значение которых имплицитно включает компонент перемещения: лит. *išteka* 'вытекает/выливается' (ср. (5)), *atiduoda* 'отдает', *sudeda* 'складывает', *priima* 'принимает', *sustato* 'составляет', *prisiuva* 'пришивает' и др. Диссертант справедливо отмечает, что в литовском данное значение в презенсе могут иметь («ограниченно» – см. рис. 8; по моим же данным – **все**) префиксальные дериваты, которые отличаются от исходных в плане лексического и/или частного аспектуального значения, т. е. «непарные» перфективы.

П.М. Аркадьев отказывается от рассмотрения противопоставления однократного перфективного и многократного (хабитуального) значений в рамках временных форм префиксальных перфективов, «поскольку в литовском данное противопоставление находится в области количественного, а не «линейного» аспекта и не демонстрирует никакого нетривиального взаимодействия с системой превербов» (с. 162). Да, оно тривиально, но одновременно значение хабитуальности, которому автор уделяет много внимания (и выражение которого в прошедшем времени посредством суффикса *-dav-* хорошо изучено в литовском как уникальное явление среди европейских языков), типологически закономерно и в силу этого представляет огромный интерес, тем более что в данном отношении литовский отличается от славянских средствами выражения имперфективности, о чем пойдет речь ниже.

Замечу также, что диссертант не упоминает в библиографии (безусловно, известную ему) работу о типах видовых оппозиций в литовском А. Хольфута и В. Чижик (А. Holvoet, V. Čižik. *Veikslo priešpriešos tipai* // A. Holvoet, L. Šėmėnienė (red.). *Gramatinių kategorijų tyrimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2004), что, возможно, и вполне оправдано, поскольку обсуждение точек зрения на аспектуальность в литовском или других языках выходит за рамки исследования. Однако в статье утверждается следующее: «Видовая система в литовском языке смешанная: она выражается определенными деривационными (*rašyti* 'писать' : *parašyti* 'написать') и определенными словоизменительными (*parašė* 'написал' : *parašydavo* 'обычно писал') противопоставлениями» (перевод мой – Э.Г.). Этим авторы присоединяются к традиционному признанию категории вида в литовском и, на мой взгляд, «суммируют» понимание устройства системы аспектуальности литуанистами-носителями языка, что в особенности важно. Ср., в частности: "... linguists and users of the language have a strong feeling of some sort of functional and productive opposition" (L. Sawicki. *Preverbatation and narrativity in Lithuanian* // *Baltic linguistics* 2010 (1), p. 168). Первая из приведенных цитат заставляет задуматься об использовании словоизменительных способов (вторичной) имперфективации «внутри» временной парадигмы префиксальных (и «простых») перфективов.

Попутно упомяну, что литовские термины для обозначения «видов» – процессуальный (eigos) и событийный (įvykis). Таким образом, уже сами термины отражают интуитивное акциональное понимание аспектуального противопоставления. К процессуальному виду относят подавляющее большинство «простых» бесприставочных глаголов (по словарным данным, не менее 95% списка простых лексем), а к событийному – все префиксальные глаголы, за исключением практически закрытого списка дериватов типа *atrodyti* ‘казаться’, *priklausyti* ‘принадлежать’ (не более 50 лексем) и еще меньшего конечного списка префиксальных глаголов типа *suprasti* ‘понять/понимать’, традиционно именуемых «двувидовыми». Неизменно указывается, что префиксальные глаголы в настоящем времени имеют имперфективное значение, и потому они иногда называются перфективно-имперфективными.

Диссертант высказывает мнение, согласно которому «На «импрессионистическом» уровне (...) в славянских языках «чисто перфективирующие» употребления превербов более частотны, чем в балтийских или в венгерском (...)» (с. 84), и справедливо замечает, что эти употребления превербов требуют более детального изучения (с. 85), что я и попыталась сделать на литовском материале. И, действительно, при внимательном изучении глагольных лексем по словарным спискам количество таких «употреблений» префиксальных глаголов с перфективным значением (т.е. «чистовидовых» на уровне **основ**) сопоставимо с русским.

2. Рецензируемое сочинение вызывает вопросы и комментарии дискуссионного характера. В качестве преамбулы – необходимая информация о литовском глаголе. На мой взгляд, следует учитывать, что аспектуальность в литовском функционирует в системе видо-временных и других категорий, существенно отличающейся от русской. Так, **все** глаголы независимо от аспектуального значения основы (в том числе префиксальной): а) имеют полную парадигму из четырех простых временных форм, в которой выделяются два прошедших времени (однократное и многократное с хабитуальным суффиксом *-dav-*), б) в форме будущего времени используют единый показатель (*-s-*), в) в форме настоящего времени глаголов имеют процессуальное (актуально-длительное и/или хабитуальное) значение, г) имеют полную парадигму из четырех сложных завершённых времен, аналогичную английскому перфекту. Важно и то, что есть три активных неличных формы (причастие, полупричастие и «деепричастие») и пассивные причастия настоящего и прошедшего (и будущего) времени, которые образуются единообразно.

В монографии префиксальные перфективы рассматриваются в оппозиции с исходными простыми (имперфективными) глаголами **на уровне деривации глагольных лексем**. При этом значительное внимание уделяется «вторичной» имперфективации перфективов (см., например, 4.2. 5.2, 5.5) и степени ее продуктивности в других языках ареала (рис. 11). По используемым диссертантом данным, продуктивных средств вторичной имперфективации нет не только в литовском, но и в грузинском, лазском, сванском (с. 115). Означает ли это, что аспектуальная система в этих языках ограничивается только оппозицией простых имперфективов и превербных перфективов?

По традиционному описанию, как и по описанию П.М. Аркадьева, префиксальные глаголы (за исключением семантически имперфективных и «двувидовых» лексем) в литовском перфективны в инфинитиве, прошедшем однократном и будущем времени. В прошедшем многократном (как в простой, так и в сложной форме) эти глаголы неизменно выражают хабитуальное значение (с. 130 и др.). Можно считать, что данные формы составляют грамматикализованную частную аспектуальную категорию хабитуальности (в «количественном» аспекте) в оппозиции с простым однократным временем и тем самым в случае перфективной лексемы – перфективно-имперфективную оппозицию (ср. *rašė* ‘писал’ – *rašy-dav-o* букв. ‘писывал’, *pa-rašė* ‘написал’ – *pa-rašy-dav-o* букв. ‘обычно, не раз написал’). В **настоящем времени**, как многократно упоминает диссертант, эти дериваты (по моим данным – **все** префиксальные перфективы) могут иметь актуально-длительное и/или хабитуальное значение. Оба значения *de facto* являются

имперфективными. Иными словами, названные формы фактически имперфективируют глаголы с перфективной основой. По замечанию Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева относительно русского вида, «настоящее время безраздельно принадлежит несовершенному виду» (*Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 27). Таким образом, несмотря на отсутствие специального показателя, настоящее время в литовском функционально также безраздельно принадлежит значениям аспектуальной зоны имперфективности. Относительно сказанного о моем понимании «вторичной имперфективации» в литовском процитирую диссертанта: «Одним из важнейших критериев (грамматикализованности – Э.Г.) является характер оппозиции префиксальных и непрефиксальных глаголов, в частности то, насколько эта оппозиция является **систематической с функциональной точки зрения**» (с. 100). На мой взгляд, у префиксальных перфективов имеет место «систематическая в функциональном отношении» аспектуальная оппозиция в парадигме временных форм перфективных глаголов: прошедшее однократное (ядерный контекст для перфективов) перфективно, а прошедшее многократное и настоящее (ядерный контекст для имперфективов) – всегда имперфективны.

Видимо, именно по причине недеривационного статуса не учтен суффикс *-dav-*, сфера действия которого ограничена прошедшим временем и активными причастиями прошедшего времени. В связи с этим возникает следующий – двухчастный – вопрос. Можно ли на основании системности признать грамму настоящего времени в литовском языке видо-временной (в прямом смысле слова) как синкретичный показатель вторичной имперфективации? Можно ли признать выражение вторичной имперфективности посредством словоизменительных видо-временных форм прошедшего многократного (со специальным показателем) и настоящего (без такового) в пределах временной парадигмы грамматикализованным на том основании, что оно охватывает все глаголы с перфективирующим префиксом, равно как и немногочисленные перфективные «простые» глаголы, и тем самым является системным и максимально продуктивным? Как ядерные, так и периферийные контексты для претерита и презенса префиксальных перфективов те же, что и для русских глаголов СВ и НСВ. Возможно, ответ зависит от признания/непризнания приведенных сермяжных фактов.

В целом в плане функционирования оба традиционно выделяемых вида в литовском семантически полностью совпадают с русскими НСВ и СВ, различаясь только способом продуктивной «маркировки» вторичной имперфективации. По моим данным, конкретное аспектуальное значение формы презенса префиксальных перфективов определяется парностью/непарностью с исходным «простым» глаголом. **Парные** префиксальные предельные перфективы с «чисто» аспектуальной функцией префикса, составляющие «чистовидовые пары» (в литовском примерно столь же многочисленные (или немногочисленные), как и в русском), а также непредельные терминативы (делимитативы), как правило, приобретают неактуальное хабитуальное значение, причем в обоих случаях исходный простой глагол выражает актуально-длительное значение. Типологически существенно, что в болгарском, в котором продуктивна вторичная имперфективация перфективов с «чистовидовыми» префиксами, эти имперфективированные перфективы аналогичным образом приобретают именно хабитуальное, а не актуально-длительное значение в презенсе (с. 123). Литовские **непарные** дериваты, у которых преверб контурирует или модифицирует исходное лексическое значение, в презенсе принимают хабитуальное и/или актуально-длительное значение в зависимости от лексической семантики перфектива, тем самым принимая на себя выражение обоих значений.

Обобщая, повторю, что приставочные перфективы подвергаются имперфективации в пределах видо-временной парадигмы: в инфинитиве, прошедшем однократном (ядерном контексте перфективов) и будущем реализуется перфективное значение лексемы, а в прошедшем неоднократном и настоящем (ядерном контексте имперфективов) –

имперфективное. На этом основании смею утверждать, что аспектуальная система литовского глагола состоит из двух подсистем – словообразовательной/деривационной и словоизменительной внутриглагольной оппозиций, отличаясь от русской системы, по сути, только способом выражения вторичной имперфективации. Почему бы не считать литовскую аспектуальную систему встроенной в видо-временную систему глагола, как это делает П.М. Аркадьев относительно грузинского (с. 74: «акциональные противопоставления, реализуемые превербам, встроены в систему выражения видо-временных категорий»)?

На с. 217-218 отмечается, что суффиксальная имперфективация была поздним явлением, ставшим продуктивным лишь в древнерусских памятниках, а в раннедревнерусских текстах неактуальные употребления презенса «были относительно продуктивно представлены». В связи с этим можно предположить, что немаркированная имперфективация литовских перфективов в презенсе была унаследована из более древнего периода, что вероятно в контексте архаичности литовского языка.

Наконец, могу *pro forma* отметить, что в литовских примерах практически нет ошибок, кроме случая *kabėti* ‘висеть’ – **pakabti* вместо правильного *kyboti* ‘висеть’ – *pakibti* ‘повиснуть’ (с. 69). В нескольких случаях приведены устаревшие и неупотребительные глаголы типа *skobti* ‘киснуть’ (с. 68), *panorti* ‘захотеть’, *sušlamti* ‘зашелестеть’ (с. 69). В целом литовский материал точен и его интерпретация весьма убедительна в рамках подхода, принятого соискателем.

3. Недочеты терминологического, библиографического и формального характера весьма незначительны. Так, в Главе 1 следовало ввести понятия процессуальности (собственно процесса, включая действия, и состояния) и событийности в связи с понятиями терминативности как акциональной характеристики процессуальных значений и нетерминативности как характеристики событийного значения глагольных лексем, поскольку данные понятия широко используются в работе. В Главе 7, как и ранее, термины «перфективность», «аспектуальность» и их производные используются двояко – для обозначения как терминативности, т. е. акциональной лексической аспектуальности (с. 24), так и аспектуальности грамматической, что иногда затрудняет понимание.

В диссертации не учтены работы, как кажется, тесно связанные с обсуждаемой проблематикой, в частности следующие: Хут К.И. *Превербь в адыгейском языке* // Блягоз З.У., Меретуков К.Х. (ред.). *Вопросы адыгейского языкознания*. Вып. III. Майкоп, 1983; Кумахов М.А. *Словоизменение адыгских языков*. М., 1971; Меретуков К.Х. *Вопросы строения глагола в адыгских языках*. Майкоп, 1985; Балкаров Б.Х. *Введение в абхазо-адыгское языкознание*. Нальчик, 1986.

Во Введении к монографии в самом общем виде определены две основные задачи, уточняющиеся в тексте. В автореферате эти задачи сформулированы уже в количестве восьми конкретных задач. Выносимые на защиту положения (свидетельствующие об успешном решении задач и являющиеся собственным достижением соискателя) по формулировкам не совсем соответствуют поставленным задачам (и, что менее существенно, их количеству). Кроме того, неудачна формулировка первого положения в автореферате: «Системы глагольных префиксов ... могут быть плодотворно сопоставлены...»; читатель ожидал хотя бы «Системы ... сопоставлены ... и выявлено...». В монографии присутствуют буквальные повторы (например, на с. 26-27). Отмечу попутно, что текст автореферата, в отличие от монографии, написан несколько небрежно и не лишен грамматических, стилистических и пунктуационных недочетов.

Убеждена, что блестящая диссертация П.М. Аркадьева не только подводит итоги предшествующим ареально-типологическим изысканиям в избранной области, но и задает новую – очень высокую – планку изучения аспектуальных систем и типологических исследований в целом. Автореферат и опубликованные статьи отражают основное содержание диссертационной работы.

Диссертация (в виде монографии) П.М. Аркадьева «Ареальная типология префиксального перфектива», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, полностью соответствует самым высоким требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в соответствии с пунктами 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного в новой редакции Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, и Петр Михайлович Аркадьев заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН

Э.Ш. Генюшене

Сведения об оппоненте

Эмма Ширияздановна Генюшене, доктор филологических наук
(специальность 10.02.15 – балтийские языки,
10.02.20 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание),
профессор

geniu.emma@gmail.com

194021 Санкт-Петербург,
2-й Мушинский пр., д. 41, кв. 82.
Тел. (812) 552-05-94

Подпись *Э.Ш. Генюшене*
удостоверенная печать
ст. референт *Э.Ш. Генюшене*

Сведения об организации

ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН»

199053 Санкт-Петербург,
Тучков пер., д. 9.
Тел. (812) 328-16-11, факс: (812) 328-46-11
<http://iling.spb.ru>
iliran@mail.ru

